

подходе в центре внимания лежит анализ истории флексий дуалиса имен существительных, то В.К. Журавлев рассматривает этот процесс как конвергенцию дуалис ~ плюралис во всем, имевшем категорию числа (существительные, прилагательные, местоимения, глаголы). Убедительно показано, что конвергенция осуществлялась путем усиления нейтрализации через усиление падежных оппозиций, ранее нейтрализовавшихся в позиции дуалиса. Этот процесс шел путем проникновения флексий плюралис в парадигму дуалиса. Оппозиция и корреляция исчезают полностью, как и в фонологическом процессе «от оппозиции к позиции». Усиление одной оппозиции может осуществляться за счет ослабления смежной родственной оппозиции. Оппозиция генитив ~ локатив и аккузатив ~ номинатив могут усиливаться за счет усиления нейтрализации генитив ~ аккузатив. Падение двойственного числа оказалось связанным с возникновением и развитием категории одушевленности. Морфологические оппозиции могут усиливаться путем генерализации флексий вдоль горизонтального ряда парадигм через снятие вариативности изосемантических морфем. Этот путь развития приведет к ослаблению корреляции вертикальных рядов парадигм (падение двойственного числа, унификация типов склонения, ослабление категории рода и т.п.).

Ослабление одних корреляций приводит к усилению других. Как процесс усиления корреляции существительные ~ прилагательные в книге трактуется возникновение и развитие местоименного склонения прилагательных у славян и балтов, а далее, на примере специфического развития постпозитивного артикля, автором анализируется происхождение анализизма в болгаро-македонской области.

В рецензируемой монографии много свежих и интересных положений, оригинальных объяснений истории склонения и спряжения в славянских и балтийских языках. В книге приведен тщательно отобранный исторический и диалектный материал из многих языков и диалектов. К сожалению, в примерах из литовского языка встречаются опечатки; следует писать: *reŭku* вм. *reŭkiu* (с. 13); *bite* ~ *bite* вм. ~ *biŭ* (с. 101); *žvėris* ~ *žvėrim*с. вм. *žvėris* ~ *žvėrim*с. (с. 111); *rūpėjo* вм. *rupėjo*; *mokėta* вм. *moketa*; *grėbti* вм. *grebti*; *apėjus* вм. *apejus* (с. 143); *ukė* вм. *ukė* (с. 144).

Публикация монографии «Диакроническая морфология» еще раз свидетельствует, что В.К. Журавлев — ученый широких научных интересов: не только фонолог, но и грамматист, внесший заметный вклад в морфологию.

Кедайтене Е.И.

**Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В 3-х вып. Вып. I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Аванесова Р. И., Бромлей С. В. М.: Наука, 1986. 215 с. + 92 карты.**

Выход в свет в 1986 г. первого выпуска Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) — важнейшее событие в истории русской диалектологии. В научный оборот введено чрезвычайно интересное и ценное как в теоретическом, так и практическом отношении издание. Необходимо и целесообразно рассмотреть принятые авторами карт исходные теоретические принципы картографирования и результаты их реализации. Это важно не только для оценки определенного этапа в развитии русской диалектологии, но и для ее последующего развития, в частности для составления региональных диалектологических атласов территорий позднего заселения.

ДАРЯ в целом, в совокупности всех его выпусков, во-первых, должен дать достаточно полное представление о существующих диалектных различиях, о характере этих различий, их истории (известно, что распространение диалектных явлений в пространстве есть проекция их распространения во времени) и, в определенной степени, о их будущем, так как материал атласа дает возможность оценить представленные на картах явления с позиций их большей или меньшей

устойчивости. Во-вторых, ДАРЯ должен послужить образцом для составления региональных диалектных атласов, которые будут иметь научную ценность лишь при полной сопоставимости их карт с картами ДАРЯ.

История работы над ДАРЯ получила освещение в ряде публикаций [1, 2] и представлена в одной из вступительных статей к опубликованному выпуску атласа. Особо следует отметить, что ДАРЯ на всех этапах его подготовки является результатом работы больших творческих коллективов. На этапе собирания материала в работе участвовали преподаватели и студенты 60 вузов страны. Коллективной была и работа по составлению карт, в которой под руководством Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой, С. В. Бромлей участвовало более 30 сотрудников сектора. Каждая авторская карта обсуждалась и совместно корректировалась большим коллективом единомышленников, что обеспечивало значительное единство принципов картографирования.

Единство принципов составления карт обеспечивалось и единством исходных данных, принятых авторским коллективом, опиравшимся на положения, разра-

ботанные Р. И. Аванесовым и его учениками [3].

Важным обстоятельством в подготовке ДАРЯ было и своеобразное поэтапное его составление. Первоначально были подготовлены атласы отдельных, территорий: северо-западной, северной, западной, южной и восточной. К сожалению, все они, кроме восточной, остались в рукописях и хранятся в диалектологическом секторе ИРЯЗ'а.

Сопоставление вышедшего в 1957 г. «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» с первым выпуском ДАРЯ показало значительное усложнение и обогащение методики картографирования, более последовательное осуществление принятых принципов подачи материала, его большее обобщение и систематизацию<sup>1</sup>. Особенно это проявилось в цикле карт, посвященных явлениям безударного вокализма: яснее выявлены типы предударного вокализма, четче отделены системные фонетические явления от лексикализованных, впервые детально разработана и отражена на картах система заударного вокализма (см. карты 16—18 и 21—31).

Высоко оценивая данный выпуск ДАРЯ, считаем необходимым остановиться на ряде возникающих вопросов. Первым из них является вопрос о правомочности столь значительного ограничения картографируемой территории.

В принципе такое ограничение правомерно не только по соображениям техническим, но и теоретическим. Развернувшиеся исследования говоров территорий позднего заселения показали их большую сложность, зависимость от ряда лингвистических факторов (время переселения, его условия и т. д.), отразившихся и на их лингвистической классификации [4]. Характерная для них ограниченность односторонних языковых ареалов, соседство говоров разного типа способствовали ослаблению функционально-коммуникативной значимости диалекта и как следствие более интенсивной утрате его черт. Это не значит, что говоры территорий позднего заселения нельзя изучать лингвогеографическим методом. Изучать надо, но с учетом их особенностей создавать специальные региональные атласы.

Признавая правомочность отражения в ДАРЯ избранной территории, полагаем, что в отдельных случаях ее границы следовало бы несколько раздвинуть. Показательно, что большинство существенных изоглосс остается на картах незакры-

тыми именно на севере и северо-востоке. На севере — это явления безударного вокализма (карты 1, 3, 4, 5, 7, 9 и др.), консонатные явления (карты 41, 47, 48, 64, и др.); на северо-востоке особенно интересны явления, связанные с реализацией фонемы /o/ (карты 1, 16 и др.). Незакрытыми остались и многие изоглоссы на востоке, где вопрос о границах более сложен. Здесь особенно заметна потребность в создании региональных атласов.

Все же самым важным, определяющим научные достоинства лингвогеографических работ, является вопрос отбора материала и принципов его картографирования. Отбор материала определялся «Программой собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» [5], поэтому некоторые процессы оказались не обеспеченными достаточным количеством материала, некоторые выявлены вновь [1, с. 46]. В целом отбор материала и его массовость позволили обнаружить существенные явления, представленные в частных диалектных системах (ЧДС) русского языка, и отразить их на картах ДАРЯ.

Уже отмечалось единство исходных позиций авторов карт, опирающихся на понимание диалектного явления как элемента (звена) системы диалектного языка, варьирующегося по ЧДС, совокупности которых и составляет диалектный язык в его противопоставлении литературному языку. ЧДС, в понимании автором ДАРЯ, представляет собой сложное, структурно целостное явление, включающее как черты общерусские, объединяющие данную ЧДС с другими и/или с литературным языком, так и черты обособленные, свойственные лишь данной ЧДС или группе таких систем. Карты атласа выявляют разные члены междиалектных соответствий, которые «образуют совокупность противопоставленных ареалов одного языкового явления в пределах общей территории его реализации, — т. е. содержание отдельной лингвистической карты» (с. 14).

Таких карт, отражающих фонетический уровень языка, в первом выпуске ДАРЯ — 92, и в большинстве их принятый принцип удачно реализован. Примером может быть уже карта 1, показывающая различение или совпадение гласных на месте *o* и *a* в первом предударном слоге после твердых согласных. На первом уровне разным цветом дано основное для ЧДС русского языка противопоставление различения фонем неверхнего подъема (*e[o]dä*, *x[o]sü* и *tr[a]eä*, *str[a]dä*) или их совпадения с реализацией в звуке *[a]* или типа *[a]* (*e[a]dä*, *x[a]sü*, *tr[a]eä*, *str[a]dä*). На втором уровне разным цветом дополнительных знаков, нанесенных на сплошной основной цвет (отражающий первый уровень членения диалектного различия), отмечается неодинаковая звуковая реализация фонемы /o/, т. е. появление прола-

<sup>1</sup> Несмотря на обобщение материалов областных атласов в ДАРЯ, считаем, что публикация подготовленных атласов различных территорий, хотя бы частичная, является необходимой, так как в ряде случаев уточнились бы особенности распространения отдельных явлений и границы диалектных ареалов.

ношения типа  $[y]d\dot{a}$ ,  $[y]d\ddot{a}$ , или  $[y]d\ddot{d}y$ ,  $[y]d\ddot{i}$  и т. п. На третьем уровне даны позиции, ограничивающие наличие указанных вариантов реализации фонемы /o/. Формой дополнительных знаков показана зависимость или независимость произношения предударного [o] от характера ударенного гласного. Наконец, на четвертом этапе величиной дополнительных знаков передана частота употребления отмеченного типа вариантов реализации фонемы /o/ — достаточная типичность или наличие лишь в единичных случаях.

Такая многоступенчатая организация карты позволяет в экононой форме отразить как характер явления, его место в системе, так и особенности распространения и употребления, показывая тем самым динамику системы. Карты такого типа являются центральными в атласе. К ним относится, например, карта 3 (типы различения или совпадения гласных верхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных); карта 67 (смягчение согласного *к* перед парными мягкими согласными или этимологическим *ч*) и мн. др.

Сложные карты обычно сопровождаются дополнительными, позволяющими детализировать выявленные различия. Назначение таких карт — показ наличия вариантов в реализации диалектных явлений: их отсутствие или наличие в определенных словах или группе слов (например, мягкость *р* в словах *старше*, *старший*), различия в реализации фонем в рамках определенного ареала (произношение  $[y]d\ddot{a}$  или  $[y]d\ddot{d}y$  в говорах с диссимилятивным аканьем).

Такая детализация важна и вполне оправдана задачами ДАРЯ, но в некоторых случаях хотелось бы видеть и сводные карты, демонстрирующие связь отдельных позиционных различий (например, ареалы реализации фонемы /o/ в  $[y]$  в безударном положении в разных позициях) или лексикализованных явлений (ср. карты, характеризующие начальную фонему /o/ в отдельных лексемах — *огород* (карта № 36) и *огурцы* (карта 37) и гласный *о* во втором предударном в абсолютном начале слова (карта 35)). В последнем случае карта была бы интересна иллюстрацией сложного переплетения системных и лексикализованных явлений.

При этом сводные карты могут не заменять частные, а дополнять их, давая обобщение в самом картографируемом материале. Например, нанесение на карту 77, фиксирующую наличие мягкого *н* в сочетаниях [нц] в словах типа *солнце*, *полотенце*, изоглоссы, представляющей территорию распространения мягкого *ц* (см. карту 46), выявило бы почти полное совпадение ареалов произношения мягкого *ц* и мягкого *н* в словах типа *солнце* на северо-востоке (произношение сочетания [нц] лишь немногим шире, что тоже весьма характерно) и несовпадение этих

ареалов на юго-востоке (восточнее Рязани широко распространено произношение [н'ц] и отсутствует мягкое *ц*, что свидетельствует о сложных отношениях между этими явлениями).

Факты, подобные приведенному, говорят о том, что диалектологические атласы могут обнаружить новые связи диалектных явлений, не всегда замечаемые при монографическом изучении. Карты обнаруживают и разную природу внешне совпадающих процессов (ср. различие ареалов распространения произношения  $on[\acute{e}]t\dot{y}$  на северо-востоке и  $on[\acute{e}]n\dot{y}n\dot{y}k$  на юго-западе).

Данные карт ДАРЯ не только обнаруживают новые интересные процессы, но и убедительно подтверждают предположения, высказанные ранее. Так, данными многих карт (5, 12, 25, 32, 34, 43, 45 и др.) устанавливается правомерность противопоставления западной и восточной зон распространения говоров русского языка. Убедительно доказывается обнаруженное К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой территориальное противопоставление говоров центра и периферии, лингвистическая сущность которого выявлена С. В. Бромлей (ср., например, карты 61, 64, 65, 73, 77 и др., указывающие сохранение на периферии старых черт в реализации согласных). Карты ДАРЯ убедительно подтверждают значимость противопоставления сильной и слабой позиций, влияние морфологического фактора на судьбу отдельных фонетических явлений, зависимость широты распространения явления от времени его возникновения, более интенсивную утрату диалектных явлений вокруг крупных городов, распространение вариантов, совпадающих с литературным языком (ср. территорию произношения  $stap[r]'\dot{y}she$  и  $me[n']\dot{y}she$  на картах 75 и 76).

В оформлении карт следует отметить удачное сочетание научной последовательности в использовании противопоставленных знаков с наглядностью. Можно сделать лишь некоторые мелкие замечания.

Принципиально новым в разработке и оформлении карт является использование статистической методики, разработанной Н. Н. Пшеничной. Статистический подход дает возможность выявить не только наличие / отсутствия того или иного явления, но и наличие ареалов, различающихся по степени его представленности. Такая методика особенно важна для случаев параллельного употребления двух вариантов. Так, карта 83 показывает, что произношение типа  $mo\dot{lo}[shn']\dot{y}y$  известно повсеместно, но частота его употребления колеблется от почти полного господства до единичных случаев.

Высокой оценки заслуживают комментарии к картам, которые во многом их дополняют, детализируют, а часто и уточняют. Жаль только, что в сведениях об

обследованных пунктах нет названия пункта и области (а указан лишь год обследования и коллектив, собиравший материал). Карта V «Размещение населенных пунктов...» с указанием номеров пунктов не заменяет такого списка.

Несомненно, что первый выпуск ДАРЯ — важный этап в развитии русской диалектографии. Совершенно необходимо скорейшее завершение всего задания, что снимает обидное отставание русской диалектографии от диалектографии других стран, уже имеющих свои национальные атласы. Конечно, создание атласа нашей обширной территории значительно сложнее, но ведь задерживается не создание атласа, а его издание.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей С. В. О диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) // ИАН СЛЯ. 1977. № 5.
2. Пшеничнова Н. Н. Русская диалектология: итоги и перспективы // ВЯ. 1985. № 6.
3. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
4. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // ВЯ. 1975. № 2.
5. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

Баранникова Л. И.

Litvinov V.P., Nedjalkov V.P. Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988. 230 S.

Авторы рецензируемой книги не стремились формулировать теории. Свою задачу они видели в первую очередь в детальном, многоаспектном семантико-синтаксическом описании результативных конструкций современного немецкого языка с учетом контекста и ситуации общения. Предложенное в книге описание базируется не только на анализе обширного корпуса примеров, из которого для иллюстрации приводится лишь некоторая часть — 1241 пример, но и на хорошо продуманных экспериментах с информантами.

Результатив как семантическая категория понимается авторами широко. Это состояние лица или предмета, которое мыслится как возникшее вследствие предшествующего воздействия или действия/процесса. Разноструктурные синтаксические конструкции, способные выражать значение

результатива (см. ниже примеры 1а — 8а), называются результативными. Они противопоставляются конструкциям эвентивным (от англ. *event* в значении «событие»). Такое название в книге присвоено конструкциям, обозначающим либо воздействие на объект, приводящее его в соответствующее состояние, либо действие субъекта, приводящее его в определенное состояние (см. ниже примеры 1б — 8б). Эвентив и результатив, противостоящие друг другу, вполне оправданно трактуются не как противочлены морфологической категории, а как конститuenty категориального пространства (*kategoriale Dimension*). Подчеркивается, что в этом отношении оппозиция «эвентив — результатив» отличается от залоговой оппозиции «актив — пассив».

Уточняя границы предмета исследования, ав-